

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО И СМЕРТЬ «МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО» БОРИСА (РУКИНА): К ВОПРОСУ О ЕГО САМОУБИЙСТВЕ

А. В. МАЗЫРИН

На основании документов хранящегося в Центральном архиве ФСБ РФ следственного дела епископа (в расколе — «митрополита Московского») Бориса (Рукина) в статье рассматриваются обстоятельства его последнего ареста и кончины в заключении в 1931 г. Исследован повод ареста — попытка дать взятку советскому чиновнику, разобран ход следствия, проанализирован его результат — смерть епископа Бориса в больнице Бутырского изолятора. Основное внимание в статье уделено проверке существующей в церковно-исторической литературе версии о его самоубийстве. Выявлено, что смерть заключенного «митрополита Московского» последовала вскоре после предъявления ему обвинения в контрреволюционной пропаганде, заключавшейся в его словах «церковникам» о подкупности советской власти. Показано, что материалы следственного дела не содержат никаких данных в пользу версии о самоубийстве. В то же время они позволяют предположить наличие заинтересованности органов ОГПУ в ее распространении, с тем чтобы оправдать отказ в выдаче тела «митрополита» Бориса для его церковного погребения. Материалы дела также косвенно свидетельствуют о заинтересованности в устранении «митрополита Московского» со стороны некоторых связанных с ним «церковников», в первую очередь возглавившего к тому времени григорианский раскол «митрополита» Виссариона (Зорина), которому по решению ВЦИК должна была перейти в пользование квартира умершего Бориса (Рукина). Статья может быть полезна при составлении биографических справочников, при написании монографий по истории григорианского раскола, Московской епархии и Русской Православной Церкви в целом.

Одним из самых пререкаемых церковных деятелей Москвы 1920-х — начала 1930-х гг. являлся епископ Борис (Рукин). Хиротонисанный в конце 1923 г. во епископа Можайского, он быстро приобрел в народе популярность как красноречивый проповедник. Но затем, спустя два года, из-за своих интриг, направленных против Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского), он столь же быстро превратился в весьма одиозную для православных москвичей фигуру. После ареста митрополита Петра в декабре 1925 г. епископ Борис стал одним из организаторов так называемого Временного Высшего Церковного Совета — фактически нового раскола, известного как «григорианство» (по имени первого председателя ВВЦС архиепископа Григория (Яцковского)).

В Москве епископ Борис был главным деятелем этого раскола, так что он даже именовался в столице «борисовщиной». Успехи его, правда, были невелики: несмотря на громкий титул «митрополита Московского», которым он украсился в расколе, за пять лет ему с большим трудом удалось получить в свое распоряжение всего лишь пять храмов и несколько часовен. Причем обычной была ситуация, когда после полугода-года-двух использования храма «борисовцами» он закрывался, и сторонникам ВВЦС приходилось начинать борьбу за новый храм¹.

Конец подобного рода усилий Преосвященного Бориса был для него весьма печальным, о чем довольно скупо сообщается в «Православной энциклопедии»: «Арестован в последних числах мая 1931 г. за дачу взяток чиновникам <...> заключен в Бутырскую тюрьму, где скончался. По церковному преданию, в припадке душевной болезни покончил с собой»². Непосредственный источник последнего «предания» установить несложно: это труд митрополита Иоанна (Снычева) «Церковные расколы». «Находясь в изоляции, он не смог преодолеть в себе душевной муки, — писал он о Борисе (Рукине). — Под действием мрачных мыслей с ним случился острый психический припадок. Не имея больше возможности сопротивляться наплыву угнетающих его помыслов, он окончил жизнь свою через повешение — самоубийством. Случилось это весной 1934 года»³. Митрополит Иоанн, в свою очередь, почерпнул информацию у своего наставника — митрополита Мануила (Лемешевского), который писал о епископе Борисе: «Весной 1934 года в Москве он трагически покончил с собой»⁴. Сообщение митрополита Мануила, как видно, более лаконично, чем описание митрополита Иоанна. Про «мрачные мысли», «психический припадок» и собственно «повешение» бывшего епископа Можайского учитель, вероятно, рассказал ученику устно или же последнему помогло «восстановить» картину происшедшего развитое воображение.

Нетрудно заметить, что с датой смерти «митрополита» Бориса высокопреосвященные историки ошиблись почти на три года (эта неточность исправлена в «Православной энциклопедии»). Возникает вопрос, нет ли ошибки и в описании причины его кончины. Несомненно, необычные обстоятельства конца жизни «митрополита Московского» требуют более детального прояснения. Хранящееся в Центральном архиве ФСБ РФ следственное дело Б. А. Рукина 1931 г. дает такую возможность.

Оказывается, катастрофа произошла с «митрополитом» Борисом в день его редкого торжества, 29 мая 1931 г., когда он принимал последний из переданных ему в Москве храмов — изъятую перед тем у «иосифлянской» общины церковь Воздвижения на Воздвиженке. О случившемся в тот день инциденте сообщает открывающий следственное дело документ — докладная записка инструктора Мособлисполкома А. Новикова сотруднику ОГПУ «товарищу» Казанскому.

¹ См.: Мазырин А., свящ., Хелемендик М. «Борисовщина» — григорианский раскол в Москве // Кадашевские чтения: Сб. докладов конференции. Вып. 3. М., 2008. С. 61–72.

² Цыпин В., прот. Борис (Рукин) // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 39.

³ Иоанн (Снычев), митр. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия — григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история. Самара, 1997. С. 103.

⁴ Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 г. (включительно): В 6 т. Erlangen, 1981. Т. 2. С. 26.

(Бывший уполномоченный 6-го отделения Секретного отдела А. В. Казанский хорошо известен историкам как следователь, ведший в 1920-е гг. дела многих видных церковных деятелей, в том числе и Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра⁵. К маю 1931 г., после очередной реорганизации структуры ОГПУ, 6-е отделение Секретного отдела во главе с Е. А. Тучковым было преобразовано в 3-е отделение Секретно-политического отдела. На практике функции начальника отделения зачастую тогда уже исполнял И. В. Полянский. Помощником начальника 3-го отделения был и А. В. Казанский.) Новиков докладывал Казанскому: «Во время передачи облачений, находясь в ризнице, Борис предложил мне взять конверт, и на мои слова “что это” он ответил, “что это благодарность за хлопоты”, по-видимому, там были деньги». Новиков возмущенно писал, что считает «подобное отношение прохвоста к официальному представителю власти недопустимым»⁶. Примечательно, что свою докладную Новиков написал в тот же день — 29 мая.

По всей видимости, Борис (Рукин), который в свое время изрядно поспособствовал ОГПУ в преследовании митрополита Петра⁷, к тому времени чем-то настроил против себя эту организацию, поэтому реакция на сигнал инструктора Мособлисполкома последовала быстрая и жесткая. Уже 1 июня «митрополит Московский» был подвергнут допросу. В показаниях, написанных собственноручно, он подтвердил, что пытался дать Новикову «вознаграждение»: «Имел в виду я дать ему 100 р.»⁸ Большой ли суммой тогда были эти деньги? Согласно изданному под грифом «Не подлежит оглашению» бюллетеню Центрального управления народно-хозяйственного учета СССР, во втором квартале 1931 г. средняя месячная зарплата в промышленности по стране составляла 92 руб., а среднедушевой месячный доход в семьях фабрично-заводских рабочих — 41 руб.⁹ В Москве этот доход был примерно на 10 руб. выше, чем в среднем по промышленным районам страны¹⁰. Среднедушевой доход семей служащих в мае 1931 г. составлял около 53 руб.¹¹ Отдельных данных по советским служащим Москвы, а тем более по служащим Мособлисполкома, «Бюллетень по учету труда» не содержит, но возможность оценить сравнительный размер «вознаграждения», от которого отказался Новиков, это издание дает: оно не было очень большим, но не было и маленьким.

Можно заключить, что сразу же после допроса Борис (Рукин) был арестован. Во всяком случае, в заполненной им самим анкете в качестве даты ареста указано именно 1 июня 1931 г.¹² Ордер на арест за подписью заместителя пред-

⁵ См.: Кифа — Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937) / Отв. ред. прот. В. Воробьев. М., 2012. С. 727–779.

⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-30614. Л. 1.

⁷ См.: «Дело это очень неприятное...»: Показания епископа Бориса (Рукина). 1925 г. / Публ. свящ. А. Мазырина // Исторический архив. 2012. № 5. С. 91–111.

⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-30614. Л. 3.

⁹ См.: Бюллетень по учету труда. Итоги 1931 года. М., 1932. С. 134, 156–157. (Размещено в Сети: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Soviet/LabourBulletin.pdf>).

¹⁰ См.: Там же. С. 160.

¹¹ См.: Там же. С. 235.

¹² См.: Там же. Л. 6.

седателя ОГПУ Г. Г. Ягоды был оформлен уже постфактум и датирован 5 июня¹³. Эта же дата была указана и в протоколе ареста. Местом ареста, согласно протоколу, явилась комендатура ОГПУ¹⁴.

Следующий допрос «митрополита» Бориса, как явствует из дела, состоялся только 23 июня. Тема взяточничества получила на нем новое развитие. «Кроме взятки, которую я предлагал тов. Новикову, — признался подследственный, — я дал взятки два раза представителям районных адмотделов, фамилии коих я не знаю. Приблизительно в октябре и ноябре месяцах 1930 г. в часовнях Владимирской и Спасской у храма Спасителя». Суммы взяток районным чиновникам были существенно меньше суммы, предложенной инструктору Мособлисполкома: 10 и 25–30 руб. «В Спасской часовне представитель адмотдела сам сделал намек на взятку, а во Владимирской взятка была дана по моей инициативе. Взятки были даны с той целью, чтобы эти представители не придирались вообще. Никому другому я взяток не давал, хотя были и намеки на это»¹⁵.

За дачу взятки, согласно статье 118 УК РСФСР 1926 г., Борису (Рукину) грозило наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет (получение же взятки каралось по статье 117 лишением свободы на срок до двух лет или, при наличии отягчающих обстоятельств, таких как вымогательство, от двух лет с конфискацией имущества)¹⁶. Но дело получило другой оборот. 26 июня «митрополиту Московскому» было предъявлено обвинение не по сравнительно мягкой 118-й статье, а по печально известной статье 58-10 («пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти»), которая, в случае «использования религиозных предрассудков», отсылала к статье 58-2, предусматривавшей уже совсем другие «меры социальной защиты»¹⁷. Объяснение такой переквалификации статьи обвинения можно увидеть в справке, составленной 1 июля 1931 г. И. В. Полянским: «Среди церковников Рукин распускал дискредитирующие сов[етскую] власть слухи о том, что ее всю можно подкупить»¹⁸.

Необходимой подписи «митрополита» Бориса под постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, однако, нет. Вместо нее присутствует запись следователя: «Ввиду болезни подписать настоящее постановление Рукин Б. А. не мог»¹⁹. Согласно содержащемуся в деле медицинскому акту, заключенный Рукин с 24 июня находился в больнице Бутырского изолятора²⁰. То есть хронология событий получается следующая: 29 мая 1931 г. — попытка «прохвоста» дать взятку, 1 июня — первый допрос и арест, далее трехнедельная пауза, затем 23 июня — второй допрос, 24-го — перевод в тюремную больницу, 26-го — предъявление обвинения по расстрельной 58-й статье.

¹³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-30614. Л. 4.

¹⁴ Там же. Л. 5.

¹⁵ Там же. Л. 9.

¹⁶ См.: Уголовный кодекс РСФСР. М., 1952. С. 43.

¹⁷ Там же. С. 19, 21.

¹⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-30614. Л. 14.

¹⁹ Там же. Л. 10.

²⁰ Там же. Л. 15.

О том, что произошло дальше, 1 июля 3-е отделение СПО ОГПУ известил помощник коменданта Бутырского изолятора: «В[есьма] срочно <...>. Сообщается, что 30/VI с/г. в 14 час. 30 мин. в больнице при изоляторе от воспаления легких умер заключенный Рукин Борис Андреевич, числившийся содержанием за Вами»²¹. К сообщению был приложен акт дежурного врача. Уточненная причина смерти указывала на «явление сердечной слабости», помимо «воспаления легких» упоминалось еще и «воспаление почек»²².

Как видно, никакого намека на самоубийство в приведенных документах нет. Хотя «митрополит» Борис был еще далеко не стар (прожил немногим менее 52 лет), смерть от болезни в тюремной больнице была вполне обычным явлением. Каковы же истоки того «церковного предания», которое через митрополитов Мануила и Иоанна нашло отражение в энциклопедической статье? Явного ответа на этот вопрос следственное дело Б. А. Рукина не дает, но позволяет сделать определенные предположения.

1 июля, в тот же день, когда на Лубянке было получено сообщение из Бутырского изолятора о смерти заключенного Рукина, И. В. Полянский в уже упоминавшейся справке написал об умершем архиерее: «Выдачу тела для погребения его церковниками считаю нецелесообразной, так как вполне возможно, что похороны будут использованы для антисоветских выступлений или даже для антисоветской демонстрации»²³. Ближайшим адресатом этой справки, насколько можно понять, был начальник СПО ОГПУ Я. С. Агранов. Он согласился с предложением помощника начальника 3-го отделения. На следующий день, 2 июля, в Отдел центральной регистрации ОГПУ за подписями Агранова и Полянского была отправлена служебная записка: «Настоящим сообщаем, что умершего 30 июня с. г. в больнице при Бутырском изоляторе митрополита Бориса Андреевича Рукина необходимо похоронить средствами изолятора, не выдавая трупа родственникам»²⁴. Документов ОЦР ОГПУ об исполнении этого указания СПО в деле Б. А. Рукина нет, место погребения его, таким образом, остается неизвестным.

Отказ в выдаче тела органы ОГПУ, очевидно, должны были каким-то образом объяснить родным и сослуживцам «митрополита» Бориса. Нельзя не заметить, что в этой ситуации версия о его самоубийстве оказывалась для госбезопасности как нельзя более подходящей, поскольку она сама собой снимала вопрос о церковном погребении почившего и позволяла относительно тихо уладить дело, хотя и способствовала последующему распространению слухов и домыслов. Помимо ОГПУ незаинтересованность в лишней огласке могла быть и у некоторых деятелей ВВЦС, о чем будет сказано ниже.

Преждевременная смерть Бориса (Рукина) ставила точку в неоконченном следствии. 2 июля сотрудник 3-го отделения Гуленко, ведший дело, подготовил постановление о его прекращении. Под резолюцией «Согласны» на этом доку-

²¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-30614. Л. 11.

²² Там же. Л. 15.

²³ Там же. Л. 14.

²⁴ Там же. Л. 13.

менте свои автографы поставили Полянский и Агранов²⁵. 10 июля на заседании Коллегии ОГПУ было окончательно постановлено: «Дело за смертью обвиняемого прекратить»²⁶.

После решения вопроса с трупом и прекращения дела осталось только разобраться с имуществом умершего. 25 июля в ОЦР ОГПУ под грифами «В[есьма] срочно. Сов[ершенно] секретно» была направлена служебная записка: «Опечатанную нами квартиру Бориса Рукина, находящ[уюся] по Саймоновскому пер., д. 7, кв. 3, на основании распоряжения ВЦИК, следует передать в пользование митрополиту Виссариону Зорину». Записку подписали заместитель начальника СПО ОГПУ В. М. Горожанин и уже неоднократно упоминавшийся И. В. Полянский²⁷. 1 августа на свет появилась еще одна служебная записка, подписанная уже непосредственными начальниками Горожанина и Полянского — Аграновым и Тучковым: «Домашние вещи, принадлежащие умершему гр[ажданину] Рукину <...> выдать его матери, гр[ажданке] Ольге Виссарионовне Рукиной, за исключением предметов культа, каковые будут отобраны сотрудником СПО т[оварищем] Гуленко»²⁸. Распоряжение Агранова и Тучкова стало ответом на неоднократные просьбы престарелой матери епископа Бориса, оставшейся после его смерти без средств к существованию. 17 августа был составлен акт о передаче ей 12 мест домашних вещей сына «за исключением церковных облачений»²⁹. Опись вещей сохранилась в деле, в ней, например, значатся «митры поповские 6 шт.»³⁰. Можно заметить, что денег в квартире умершего «митрополита», согласно описи, нашлось всего лишь 27 руб. 40 коп. — существенно меньше, чем было в злополучном конверте, не принятом от него инструктором Мособлисполкома.

Нетрудно понять, что основным «выгодополучателем» от такого раздела имущества оказался «митрополит» Виссарион (Зорин). В 1928 г. он вытеснил с поста председателя ВВЦС «митрополита» Григория (Яцковского), а теперь избавлялся от конкуренции со стороны «митрополита Московского» и вдобавок получал в распоряжение его квартиру в бывшем жилом доме храма Христа Спасителя. Стоит обратить внимание и еще на одну деталь. «Митрополита» Бориса, как было сказано, обвинили в том, что он «среди церковников <...> распускал дискредитирующие Сов[етскую] власть слухи о том, что ее всю можно подкупить». Подобного рода разговоры он мог вести только в достаточно узком кругу близких ему «церковников». Хотя других доносов, кроме докладной записки инструктора Новикова, следственное дело Б. А. Рукина не содержит, основания предположить не только их существование, но даже и авторство оно дает. «Митрополит» Виссарион вполне мог поспособствовать и распространению «предания» о борисовом самоубийстве.

Выходя за рамки темы, можно заметить, что судьба получателя квартиры «митрополита» Бориса тоже сложилась печально. В сентябре 1937 г. «митропо-

²⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-30614. Л. 16.

²⁶ Там же. Л. 17.

²⁷ Там же. Л. 34.

²⁸ Там же. Л. 25.

²⁹ Там же. Л. 18.

³⁰ Там же. Л. 19.

лит» Виссарион был арестован. Такая участь для епископа в тот момент была обычной, но он был не рядовым архиереем, а главой целого течения, легализованного еще в 1926 г. В отличие от уцелевшего руководства Московской Патриархии и обновленческого раскола, председатель ВВЦС был расстрелян (25 ноября 1937 г. на Бутовском полигоне под Москвой). При обыске у него было обнаружено более 200 тыс. руб. Вполне можно допустить, что ради изъятия этих денег его и арестовали, и едва ли в его случае обошлось без доноса, как ранее и с Борисом (Рукиным), которому, к слову сказать, было далеко до таких сумм. До некоторой степени, правда, моральной реабилитации Виссариона (Зорина) служат его показания о том, что из обнаруженных у него денег значительная часть использовалась им для оказания помощи репрессированным епископам и священникам³¹.

Возвращаясь к фигуре «митрополита Московского» Бориса (Рукина), следует сделать вывод, что «церковное предание», увековеченное в «Православной энциклопедии», нуждается в корректировке. Он, конечно, оставил по себе далеко не лучшую память (крайне нелицеприятно, например, о нем отзывался М. Е. Губонин: «интриган и морфинист»³²). Но в грехе самоубийства епископ Борис повинен не был.

Ключевые слова: Московская епархия, григорианский раскол, «борисовщина», следственное дело, ОГПУ, Секретный отдел, Бутырская тюрьма, причина смерти.

THE LAST CASE AND DEATH OF «MOSCOW METROPOLITAN» BORIS (RUKIN): TO THE ISSUE OF HIS SUICIDE

A. MAZYRIN

The author investigates circumstances of the last arrest and the death of bishop (in schism — «the Moscow metropolitan») Boris (Rukin) in detention in 1931 on the basis of his Case from the documents of the Central archive of FSB of the Russian Federation. The author studies the arrest's reason (the attempt to bribe a soviet clerk), assorts in details the course of investigation and analyzes its result — death of bishop Boris in the hospital of the Butyrsky insulator. In the article the basic attention was occupied with checking of the official version of church-historical literature about suicide of the bishop. The author considers the death of the prisoner, «the metropolitan Moscow», has followed soon after accusing him of a counterrevolutionary propaganda. It was his

³¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-38959. Л. 112.

³² Кифа — Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий. С. 220.

words to «churchmen» about the possibility to bribe the Soviet power. Materials of the investigatory case do not contain any data to support the version of suicide. At the same time, they allow to assume the interest of the OGPU bodies in the distribution of this version with the purpose to justify the refusal to give out the body of late «metropolitan» Boris for his church burial. The materials have also indirectly testified to the interest in elimination of «the Moscow metropolitan» of some «churchmen» connecting with him. First of all, it was «metropolitan» Bessarion (Zorin) who headed the Gregorian split. He obtained a Boris's apartment under the decision of VCIK. The article can be useful at drawing up of biographic directories, at writing of historical monographies about the Gregorian split, the Moscow diocese and the Russian Orthodox Church as a whole.

Keywords: the Moscow diocese, the Gregorian split, bribery, anti-soviet propaganda, investigatory case, OGPU, Confidential department, Butyrskaja prison, death's cause.

Список литературы

1. Мазырин А., свящ., Хелемендик М. «Борисовщина» — григорианский раскол в Москве // Кадашевские чтения: Сб. докладов конференции. Вып. 3. М., 2008. С. 58–73.
2. Цыпин В., прот. Борис (Рукин) // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 38–40.
3. «Дело это очень неприятное...»: Показания епископа Бориса (Рукина). 1925 г. / Публ. свящ. А. Мазырина // Исторический архив. 2012. № 5. С. 91–111.
4. Кифа — Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937) / Отв. ред. прот. В. Воробьев. М., 2012.
5. Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 г. (включительно): В 6 т. Erlangen, 1981.
6. Иоанн (Снычев), митр. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия — григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история. Самара, 1997.